

МИСТИФИКАЦИИ В КУЛЬТУРЕ НОВОГО ВРЕМЕНИ

Д. А. Гайдук

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, Минск, Беларусь, dashadashina0@gmail.com*

Работа исследует литературные мистификации как явление, возникшее в культуре нового времени. Автор анализирует предпосылки и мотивацию авторов, создающих произведения с элементами притворства и интриги. В статье рассматриваются культурные и исторические факторы, способствующие распространению мистификаций, включая изменения в обществе и влияние эстетических течений. Также исследуются мотивы авторов – от поиска признания до критики конформизма. Примеры мистификаций иллюстрируют их значение для восприятия литературы и отражение культурных запросов. Статья подчеркивает важность мистификаций в контексте меняющейся динамики культуры нового времени.

Ключевые слова: мистификация; литературная мистификация; закономерности; предпосылки.

MYSTIFICATIONS IN THE CULTURE OF MODERN TIMES

D. A. Haiduk

*Belarusian State University, Nezavisimosti Av.,4, 220030, Minsk, Belarus,
dashadashina0@gmail.com*

The paper explores literary mystifications as a phenomenon that emerged in the culture of the modern era. The author analyzes the prerequisites and motivations of writers who create works featuring elements of pretense and intrigue. The article examines the cultural and historical factors that contribute to the spread of mystifications, including societal changes and the influence of aesthetic movements. It also investigates the authors' motives – from the pursuit of recognition to the critique of conformity. Examples of mystifications illustrate their significance for the perception of literature and reflect cultural demands. The article emphasizes the importance of mystifications in the context of the changing dynamics of early modern culture.

Keywords: mystifications; literary m ystifications; patterns; prerequisites.

Мистификации всегда были неотъемлемой частью литературы. По сути, что такое литературное произведение, если не попытка убедить читателя, критика или самого себя в существовании выдуманной писателем реальности? Неудивительно, что появились не только созданные кем-то миры, но и поддельные произведения и выдуманные авторы.

Литературная мистификация есть ничто иное как разновидность артистической мистификации. Она представляет собой сокрытие личности истинного творца любыми возможными способами. Это приписывание авторства одним творцом другому, менее известному, возможно даже несуществующему, а также представление новоявленного текста как «сенсационно найденного», якобы написанного выдающимися личностями из прошлого.

В литературе подобных мистификаций множество. Если задаваться вопросом, с чем связано подобное явление, однозначного ответа найти не получится. Каждый случай литературной мистификации имеет свои предпосылки. Однако путем анализа и сравнения известных мистификаций мы попробуем отследить некую закономерность, обуславливающую поступки творцов-мистификаторов.

Большинство знаменитых мистификаций, как правило, строятся на системе псевдонимов, поэтому каждый новое описание литературной фальсификации будет начинаться с вымышленного имени, под которым писал реальный автор.

В 1760 г. в Эдинбурге опубликовали произведение «Отрывки старинных стихотворений, собранные в горной Шотландии и переведенные с гэльского или эрского языка» – это сборник старинных кельтских легенд, которые считались утерянными. Автором стихов был Ойсин, или Оссиан, слепой бард, живший в III веке. Будучи сыном полулегендарного Финна Маккулу, он воспевал его подвиги и подвиги его войска. Книга стала популярной, потому что ее опубликовали в тот момент, когда шотландцы и ирландцы стремились возродить свою культуру и национальное самосознание. Кельтский фольклор, не подвергшийся изменениям в течение веков под влиянием христианства, оказался очень кстати.

За сбор и перевод стихов отвечал молодой шотландский поэт Джеймс Макферсон. Ему оплатили путешествие в горные районы, куда он отправился в целях поиска других образцов эпоса, которые могли уцелеть. Вернулся он не с пустыми руками, а с поэмой, «древность [которой] устанавливается без труда, и она не только превосходит всё, что есть на этом языке, но не уступит и более совершенным произведениям других народов» [1].

В 1761 г. был опубликован английский перевод произведения «Фингал, древняя эпическая поэма в шести книгах». Через два года был издан еще один похожий по жанру текст под названием «Темора», а в 1765 году – сборник «Сочинения Оссиана». Эти тексты были переведены на многие языки, включая русский. После публикации историки начали требовать от Макферсона предоставить им оригинальные рукописи, однако переводчик всячески откладывал этот процесс. И это неудивительно, так

как никаких оригинальных рукописей не существовало – Макферсон сам придумал эти поэмы, основываясь на фрагментах оригинальной народной поэзии, которые он собрал. Вскоре историки стали сомневаться в подлинности «Фингала» и «Теморы». Они отметили хронологические несоответствия и грамматические ошибки. Упорное нежелание Макферсона показать рукописи усиливало их подозрения.

В 1807 году уже после смерти исследователя были опубликованы «Поэмы Оссиана в гэльском оригинале». При тщательном изучении и рассмотрении текста стало ясно, что он был написан на современном гэльском языке, а не на старинном. Так мистификация была раскрыта, однако это не помешало публике полюбить «Оссиана» [1].

Интересно, что у Макферсона появилось много подражателей. К примеру, в 1819 г. чешский ученый Вацлав Гануш издал «Краледворскую рукопись» – документ XIII века, который, по его словам, он обнаружил в архиве одной из церквей. На самом деле, эта рукопись была подделкой, но этот факт был установлен только спустя полвека.

В 1827 г. во Франции был опубликован сборник «Гусли, или Сборник иллирийских песен, записанных в Далмации, Боснии, Хорватии и Герцеговине» – прозаический перевод произведений балканской народной поэзии. Автором всех стихов был Проспер Мериме. Эта история получила продолжение: в 1835 году Пушкин опубликовал «Песни западных славян» – поэтический перевод отрывков из «Гуслей». К этому времени до России дошли слухи об этой мистификации. Поэтому Пушкин через посредника связался с Мериме, чтобы получить разъяснения. Мериме в своем ответе признался в подделке.

Как известно, XIX век – век пробуждения национального самосознания. Восстания за независимость охватывают народы Европы, создаются мифы легенды, которые должны теперь указывать на великое прошлое и божественное происхождение той или иной нации. И кто как ни творческие личности, люди тонко чувствующие и переживающие, должны помочь стране поднять народный дух и ощутить единение, корни которого кроются в далеком и великом прошлом. Мы имеем основания полагать, что цели, которые преследовал Макферсон были в большей степени альтруистические. Он пытался создать миф для собственного народа, и если бы шотландские исследователи позволили эмоциям взять вверх над «рацио», как это было в случае с Краледворской рукописью, то возможно, по сей день бы в шотландских школах изучались бы стихи национального героя Оссиана.

Одной из самых известных мистификаций русской литературы является Козьма Прутков, созданный в качестве развлечения в начале 1850-х годов братьями Алексеем, Александром и Владимиром Жемчужниковыми

и их двоюродным братом Алексеем Толстым. Группа молодых поэтов начала сочинять басни, подписанные именем вымышленного самовлюбленного графомана, имя и фамилию которого они взяли у своего камердинера. Алексей Жемчужников впоследствии рассказал Ивану Бунину, что они «были молоды и безрассудно игривы, жили вместе и ежедневно создавали какие-то стихи. Затем решили собрать эти глупости и опубликовать их под именем нашего камердинера Козьмы Пруткова, и мы это сделали. В результате мы обидели старика до самой его смерти, и он не смог простить нас за эту шутку» [2].

Пруткова впервые представили широкой публике в 1854 году, когда несколько его стихов были опубликованы в журнале «Современник». Его «автор» проявил себя как человек с множеством талантов, сочиняющий басни, пьесы и афоризмы. Создатели не только сочиняли за Пруткова, но также придумали для него подробную родословную, детальное описание жизни, и даже заказали портрет. Согласно легенде, Прутков был человеком лет 50, который провел всю свою жизнь на государственной службе, дослужился до должности начальника пробирной палатки, владел имением в районе станции Саблино и имел множество детей. В конце концов Толстой и Жемчужниковы даже придумали его смерть: «Прутков скончался от апоплексии в своем кабинете 13 января 1863 года в 14:45» [2]. Журнал «Современник» опубликовал некролог, посвященный памяти народного любимца.

Вымышленный автор стал невероятно популярным в России. До революции его произведения выдержали 12 публикаций. Пьесы Пруткова ставили в театрах, цитаты из его произведений стали народными и остаются популярными до сих пор. Когда авторы Пруткова ушли из жизни, на литературной арене появились новые авторы, которые стали его «родственниками». В 1913 году вышла книга стихов Анжелики Сафьяновой – «внучки» Пруткова. Это была мистификация Льва Никулина.

Мистификация, изначально задуманная как шутка, вышла из-под контроля и породила одну из известнейших личностей XIX века. Чего только стоят одни его афоризмы, являющиеся компонентом живой речи по сей день. Мы наблюдаем ситуацию, где люди, думающие и творческие, смеясь ради создают образ, который повлияет на ход развития мировой литературы. Несмотря на множество исследований личности Козьмы Пруткова, термин, обозначающий бы ситуацию создания подобной маски, так и не был предложен. Мы считаем, что такого рода мистификации носят стихийный характер, а мотивация у них может разительно отличаться, либо же вообще отсутствовать.

Черубина де Габриак – еще один знаменитый псевдоним, который в свое время взбудоражил и рассорил весь литературный Петербург.

Владелицей же чарующего, но выдуманного образа, оказалась Лизавета Дмитриева.

В 1909 г. в редакцию журнала «Аполлон», расположенного в Санкт-Петербурге, стали приходить письма с вложенными в них стихами. Они были написаны на надушенной бумаге, запечатаны черной сургучной печатью, а между листами с поэзией находились засушенные цветы. Из-за отсутствия адреса на конверте установить личность отправителя не удалось. Автор писем подписывался единственной буквой «Ч».

Сергей Маковский, редактор журнала «Аполлон», принял решение опубликовать цикл из 25 произведений молодой поэтессы. Эти стихотворения были наполнены романтикой, таинственностью и отвечали модным тенденциям того времени. Спустя некоторое время редактору удалось собрать некоторые сведения о таинственной девушке.

Как выяснилось, ее зовут Черубина де Габриак, ей 18 лет. Она является графиней и имеет испанские корни по материнской линии. Большую часть своей жизни девушка провела в монастыре, а сейчас живет в доме своего деспотичного отца [3, с. 11].

Загадочная девушка с прекрасным голосом часто связывалась с редакцией и продолжала отправлять стихи, однако личных встреч почему-то избегала. Ее литературному успеху это не мешало, даже наоборот, ее стихи охотно публиковались, и читатели с критиками пребывали в полном восхищении. Попытки раскрыть инкогнито Черубины не прекращались: ее пытались выследить, дежуря на вокзале в момент ее предполагаемого отъезда за границу или опрашивая практически всех жителей Каменного острова. Самым активным был Сергей Маковский. Максимилиан Волошин вспоминал: «Маковский настаивал на встрече с Черубиной...» [3, с. 12]. Она же в своих телефонных разговорах отвечала уклончиво: от встреч не отказывалась, но и не спешила соглашаться.

Михаил Кузьмин, один из редакторов Аполлона, раскрыл тайну без памяти влюбленному Маковскому. Как выяснилось, под таинственным псевдонимом скрывалась Елизавета Дмитриева – учительница женского пансиона и молодая поэтесса, известная своими едкими пародиями на произведения Черубины.

Сергею Маковскому представилась возможность лично встретиться с ней, однако эта встреча сильно его разочаровала: «Дверь медленно, как мне показалось, очень медленно растворилась, и в комнату вошла, сильно прихрамывая, невысокая, довольно полная темноволосая женщина с крупной головой, вздутым чрезмерно лбом и каким-то поистине страшным ртом, из которого высовывались клыкообразные зубы. Она была на редкость некрасива. Или это представилось мне так, по сравнению с тем образом красоты, что я выносил за эти месяцы? Стало почти страшно» [4,

с. 338]. Несмотря на сохранившиеся фотографии Дмитриевой, С. Маковский, по-видимому, преувеличил степень безобразности данной особы. Мы считаем, что это было одной из причин для мистификации. Поэтесса осознавала, что её реальный облик не вписывается в эстетические ожидания публики и редакторов «Аполлона». М. Волошин в своем письме отметил, что Лиля, не обладающая лоском и грацией и имеющая проблемы с ходьбой, не смогла бы удовлетворить вкусы публики, а её стихи были отвергнуты редакцией. Он, понимая, что творчество обольстительной графини испанского происхождения будет принято в журнале совершенно иначе, выдумал Черубину [5, с. 274]. Волошин был склонен к такого рода шуткам. Маковский заявляет, что он неоднократно предлагал Марине Цветаевой аналогичные мистификации.

Таким образом, мы убеждаемся в том, что культурно-исторический контекст является одним из важнейших аспектов в числе причин создания литературных мистификаций.

Помимо мотивации в виде культурно-исторического контекста, мы также выделяем следующие предпосылки создания мистификаций:

1. Стремление к влиянию на сознание публики ввиду недовольства творцом реальным положением вещей.

2. Потребность автора в самоутверждении.

3. Неприятие обществом реальной фигуры творца.

4. Мистификация стихийного характера, которая не была запланирована изначально.

Мы предполагаем, что исследователи, при работе с личностями потенциальных мистификаторов, должны в первую очередь обращать внимание на вышеперечисленные факторы.

Библиографические ссылки

1. *Ворошилова С.* Знаменитые и не существующие: 5 самых ярких мистификаций в истории мировой литературы. URL: <https://knife.media/literature-mistification/> (дата обращения : 06.12.2023).

2. *Берков Н.* Козьма Прутков – директор Пробирной палатки. Л.: Издательство академии наук СССР, 1933.

3. *Ланда М.* Миф и судьба // Черубина де Габриак Исповедь. М.: Аграф, 1998.

4. *Маковский С.* Черубина де Габриак // Портреты современников. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1955.

5. *Дмитриева Е.* Черубина де Габриак. Исповедь. М.: Аграф, 1998.